

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ, КАЛАМБУР И НЕКАЛАМБУРНОЕ СОВМЕЩЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Анна А. Зализняк
Институт языкознания РАН, Москва
anna-zalizniak@mtu-net.ru

В докладе рассматриваются типы неоднозначности речевого произведения. Показано, что главное отличие «бытовой» неоднозначности от «поэтической» состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий одно является правильным, а другое – неправильным относительно намерений говорящего, и более широкий контекст должен позволить слушающему выбрать правильное понимание; в противном случае происходит провал коммуникации. Напротив, для речевого произведения, выполняющего поэтическую функцию, неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений является его ингерентным свойством. Далее вводится противопоставление каламбура, сталкивающего разные значения одного слова и служащего диагностическим контекстом для выявления лексической многозначности и совмещения значений, не порождающего каламбурного эффекта. Рассмотрены различные типы некаламбурного совмещения значений («склеивание», «сплав», «осцилляция», «принцип тернарной семантики»). Отдельно рассматривается случай *синкретизма*, или *неразличения* значений, который предлагается трактовать как реализации одного значения более высокого уровня.

1. Типы неоднозначности

Под *неоднозначностью* языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов. В зависимости от того, какого рода эти смыслы, различают лексическую неоднозначность (ср. *проехать остановку*: ‘преодолеть расстояние’ и ‘миновать точку’; *переизбрать Петрова*: ‘избрать Петрова на другой срок’ и ‘избрать другого человека на пост Петрова’) и синтаксическую неоднозначность, ср. известные примеры *amor patris, ee portret, мать любит дочь; flying planes can be dangerous* (‘летающие самолеты могут быть опасны’ и ‘летать на самолетах может быть опасно’); *мужу изменять нельзя* и т.п. Ю. Д. Апресян различает языковую неоднозначность (лексическую и синтаксическую) и речевую, возникающую в высказывании из-за неопределенности тех или иных параметров ситуации [Апресян 1974: 176-178]. Последний тип неоднозначности иллюстрируется такими примерами, как *Джон прострелил себе руку* или *Гусар зазвенел шпорами* (которые могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие), а также возможностью осмысления вопросительного предложения определенного типа как «экзаменационного» вопроса. Как кажется, однако, с точки зрения характера неоднозначности возможность непрямого использования вопросов типа *В каком году родился Пушкин?* находится в том же ряду, что и другие сдвиги иллокутивной функции вопроса (*Не могли бы вы передать мне соль?*, *Не знаете ли вы, который час?*, *Сколько мне еще ждать?*, *Куда же ты уходишь?* и т.п.). Во всех этих случаях одно и то же предложение может использоваться в разной иллокутивной функции (хотя и, возможно, с разной степенью вероятности) – и, соответственно, иметь разный смысл. Возможность выражать два разных смысла обеспечивается здесь, как при синтаксической или лексической неоднозначности, устройством языка; как и в других случаях языковой неоднозначности, два различных смысла не могут «иметься в виду» одновременно, и нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания. Если же все-таки он ошибается, т.е. неправильно разрешает неоднозначность (например, на вопрос *Не знаете ли вы, который час?* отвечает *Знаю*), имеет место коммуникативная неудача – так же, как и в том случае, когда человек принимает экзаменационный вопрос за обычный (ср. анекдот о еврейской школе, в котором на вопрос учителя *В каком году родился Пушкин?* ученик отвечает *Мне бы ваши заботы, господин учитель!*).

Что же касается фраз типа *Джон прострелил себе руку*, то здесь, по-видимому, представлен иной тип неоднозначности. В отличие от всех предыдущих примеров, где варианты прочтения взаимно исключают друг друга (в работе [Перцова 1988] такая неоднозначность названа дизъюнктивной), в данном случае оба обсуждаемых понимания – намеренное и ненамеренное – вполне совместимы: в том смысле, что для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить выбор. Просто некоторые аспекты ситуации могут остаться нам неизвестны (а именно, совершил человек данное действие намеренно или нет – так же как по какой причине, с какой целью, каким способом и т.д. он его совершил). Иными словами, здесь имеет место не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность некоторого параметра и, вследствие этого, неполнота представления о ситуации (ср. противопоставление понятий *ambiguity* и *vagueness* в англоязычной традиции).

Тем самым языковая и речевая неоднозначность – это явления разной природы. Если языковая неоднозначность есть способность слова, выражения или конструкции иметь, в разных условиях, различные смыслы, т.е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность – это реализация данного свойства в конкретном высказывании: она может быть ненамеренной (и тогда она будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, а если нет, то приведет к ее провалу), но она может быть и намеренной, т.е. использоваться как прием (см. ниже).

Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) и создает новый смысл ([Якобсон 1975], [Есо 1962]). Тем самым смысл поэтического текста никогда не равен *передаваемому* (по Грайсу) смыслу: то, что «хотел сказать» автор поэтического текста, – если такую постановку вопроса вообще считать правомерной – это именно результирующая взаимодействия всех смыслов, явных и неявных. Из множества примеров, которые здесь могут быть процитированы (начиная с Шекспира), приведем лишь один: *Париж? – И я с тобой парю*¹. Соединение идей *Парижа* и *парения*, которые сливаются фонетически в форме 2-го л. от глагола *парить*, на семантическом уровне дает новое воплощение русского парижского мифа; все три идеи являются составляющими смысла данного текста.

Неоднозначность поэтического текста может иметь различную природу – она может порождаться как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и многозначностью текста в целом: это иносказания, аллюзии, разного рода интертекстуальные элементы, наличие одновременно двух разных планов описания (двух разных сюжетов или ситуаций, с которыми соотносится один и тот же текст) и др. Неоднозначность последнего типа является, в частности, конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка, ср. *Тише едешь – дальше будешь*; *На воре шапка горит*; *Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?* (загадка Сфинкса) и т.д. Одним из важнейших источников поэтической неоднозначности является метафора, основанная на одновременном присутствии двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения. Неоднозначность поэтического текста может порождаться также неочевидностью буквального смысла – как в случае с первой строфой «Евгения Онегина», см. [Михайлова 2000].

Важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (создающее своеобразный стереоскопический эффект). При оживлении внутренней формы происходит восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления, послужившего основой для построения абстрактного концепта, ср.:

(1) И вот еще почему всякая большая любовь с точки зрения устроенного быта *пре-ступна*. (Пришвин. Дневники).

Но возможна и более сложная игра, ср.:

(2)...а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду *поползновения* дверей медленно, с *содроганиями*, разъезжаться» (В. Набоков. Тяжелый дым).

В примере (2) оба выделенных выражения по своей внутренней форме восходят к физическим явлениям, но в стандартном русском языке имеют лишь переносное значение, относящееся к сфере внутренних состояний человека. Здесь же эти выражения использованы в окказиональном переносном значении, возвращающем их в сферу физических объектов.

Главное отличие «бытовой» неоднозначности от поэтической состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий некоторого выражения одно является правильным, а другое – неправильным относительно намерений говорящего, и более широкий контекст (речевой или ситуативный) должен позволить слушающему выбрать правильное понимание; в противном случае происходит провал коммуникации. «Избегай неоднозначности» – один из коммуникативных постулатов Г. П. Грайса [Грайс 1985: 223]. Таким образом, с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является «браком» в

¹ Обращение к даме, находящейся в Париже (из устной речи).

речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена. Источники неоднозначности такого рода могут быть различными. В частности, неоднозначность может возникать за счет отсутствия у слушающего необходимых презумпций, знаний о мире, при несоответствии *инференций* слушающего (того, что он «извлекает», *infers*) – *импликатурам* говорящего (т.е. той информации, которую говорящий «закладывает», *implies*), ср. [Bybee et al.: 285], [Падучева 2003 (в печати)]. Однако в этом смысле нельзя разделить высказывания на однозначные и неоднозначные: у некооперативного (невнимательного, не включенного в происходящее) слушателя любое высказывание может приобрести «паразитическое» понимание; действительно, количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных, и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания иногда просто поражает воображение.

2. Неоднозначность и языковая игра (каламбур)

Эксплуатация языковой неоднозначности – излюбленный прием рекламы. Этот прием представляет собой языковую игру, а достигаемый с ее помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры (ср. [Пирогова 2000]): «успехом» адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Обратим внимание на то, что удовольствие это – чисто семиотической природы. Действительно, «второй смысл» часто бывает в той или иной степени «неприличным»², но в общем случае это совершенно необязательно, ср.: *Какая связь между Москвой и Подмосковьем? – Московская сотовая; С нашей обувью вы не расстанетесь никогда* (надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок); *Не оставляйте вещи без внимания. Новый большой каталог IKEA*, и т.п. Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается однозначно отрицательно и по возможности избегается. На языковой неоднозначности построен также эффект определенного класса анекдотов, ср.: *Письмо из Центра не дошло до Штирлица. Он прочитал еще раз: опять не дошло*. Эффект анекдота может быть также построен на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении, ср. *Ну что это за цирк? Это бордель какой-то, а не цирк. Вот у моего дяди в Жмеринке был бордель, так это был цирк!*, и т.д.

Возможность возникновения неоднозначности (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством многозначности данной языковой единицы (ср. [Апресян 1974: 180-187]). Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект каламбура, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям интересующего нас слова. Так, из содержащих каламбур фраз *шел дождь и два студента; один был в шляпе, другой – в хорошем настроении* следует существование в русском языке по крайней мере двух значений у глагола *идти* и у конструкции *быть в*. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте.

Строго говоря, возможность каламбура не является ни необходимым, ни достаточным условием многозначности: достаточным – потому что каламбур не различает полисемии и омонимии (ср. *Хорошую вещь браком не назовут*), необходимым – просто потому, что далеко не всегда значения многозначного слова могут быть соединены в каламбуре. Однако, с точки зрения задачи различения близких смыслов каламбур безусловно может рассматриваться как доказательство наличия оппозиции, и тем самым двух разных значений.

Помимо каламбура, имеется еще несколько типов некаламбурного совмещения значений, которые необходимо различать.

3. Типы некаламбурного совмещения значений

Остановимся сначала на самом понятии совмещения значений³. К сожалению, этот термин не имеет единого общепринятого понимания, и это порождает досадные недоразумения – ср., например, полемику в [Санников 1999: 181-183] в отношении работы [Перцов 1996]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением В. З. Санникова, что «каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, наличии инварианта и т.д.» [Санников 1999: 183]. Но это совершенно справедливое утверждение нисколько не опровергает мнения Н. В. Перцова о том, что возможность совмещения

² Это обстоятельство отразилось в значении слова *двусмысленный*, ср. *двусмысленная шутка*, т.е. «имеющая неприличный смысл»; *говорить двусмысленности* и т.п.).

³ Наиболее подробно разные типы совмещения значений проанализированы в работе [Перцова 1988]. См. также [Перцов 2000, 2001: 31-32].

значений является доказательством проницаемости границ между отдельными значениями слова, аргументом в пользу существования инварианта [Перцов 1996: 27-30]. И дело здесь не только в том, что помимо многозначности, каламбур может быть построен на омонимии или паронимии (аргумент В. З. Санникова), а еще и в том, что каламбурное и некаламбурное совмещение значений – это два разных явления. Если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа «Когда цветочник бывает предателем? – Когда он продает *нас Турции*», игру «Почему не говорят...?» т.п.) – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их о б ъ е д и н я е т .

Нас будет интересовать далее лишь некаламбурное совмещение значений. Здесь возможны, как минимум, следующие типы (между типами 2 и 3 граница не совсем определенная).

1. «Склеивание». Объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения. Случай «склеивания» одинаковых означающих, имеющих различные означаемые, обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении «расклеивание» не представляет ни малейшего труда и проходит совершенно безболезненно для смысла предложения в целом. Этот случай может быть проиллюстрирован уже обсуждавшимися в лингвистической литературе примерами (3), (4).

(3) Пустое *сердце* бьется ровно, /В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов)

(4) Через край полная *аудитория* была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул. (А. Герцен)

В примере (3) в слове *сердце* «склеиваются» значения ‘центральный орган кровообращения’ (*сердце бьется*) и ‘этот орган как символ средоточия чувств’ (*пустое сердце*); в (4) слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в ней людей. В работе [Перцова 1988: 65] пример (3) справедливо охарактеризован как случай конъюнктивной неоднозначности (т.е. предполагающей одновременное наличие двух прочтений), при этом ненамеренной со стороны говорящего.

В работах [Перцов 2000, 2001] разбирается пример некаламбурного совмещения значений глагола *петь* в примере (5):

(5) Фигурно иль буквально: всей семьей,

От ямщика до первого поэта,

Мы все *поем* уныло. [...] (Пушкин. Домик в Коломне)

Автор усматривает здесь объединение значений на основе семантического инварианта, включающего смыслы ‘эстетическое’, ‘приятное’, ‘ритмичность’ и ‘человеческий голос’ [Перцов 2001: 36].

Этот анализ вызывает возражения. Во-первых, хотя в данном примере эффекта каламбура, действительно, не возникает, нельзя согласиться с тем, что совмещение значений здесь «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000: 58]. Пушкин безусловно обыгрывает возможность соединения очевидно различных смыслов – и не заметить этого может лишь очень невнимательный читатель. Совмещение значений здесь – это прием, целью которого (возможно, не единственной и даже не истинной) является создание иллюзии единства – за счет нанизывания аналогичных совмещений в последующих словах *песнь*, *напев* и дальнейшего распространения этой аналогии (о чем пишет Н. В. Перцов). Во-вторых, согласно Словарю языка Пушкина, одно из двух совмещаемых здесь значений глагола *петь* – это ‘творить, слагать стихи’: смысловой компонент ‘человеческий голос’ здесь, очевидно, отсутствует, и тем самым он не может входить в инвариант (между тем исключение данного компонента из предполагаемого инварианта уж слишком явно противоречило бы основному значению глагола *петь*). Возможность некаламбурного совмещения значений, как кажется, опирается в данном случае скорее не на инвариант, а на устойчивое европейское культурное клише «поэт – певец», восходящее к реальному совмещению этих функций (в античности и в другие «древние» эпохи, ср. Баян).

2. «Сплав». Этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии. Речь идет о том, что два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна (в частности – совмещение прямого и переносного значения одного слова, как в примере (7)), и из этого соединения возникает новый, третий смысл. Приведем два таких примера (курсив мой А.З.):

(6) Еще Мандельштам пытался мне объяснить, что такое *узнавание*. [...] Он думал не только о процессе, т.е. о том, как протекает узнавание того, что мы уже видели и знали, но о вспышке, которая сопровождает *узнавание* до сих пор скрытого от нас, еще неизвестного, но возникающего в единственно нужную минуту, как судьба. Так *узнается*

слово, необходимое в стихах, как бы предназначенное для них, так входит в жизнь человек, которого раньше не видел, но словно предчувствовал, что с ним переплетется судьба. (Н. Мандельштам. «Вторая книга»)

Согласно словарям (напр. МАС), слово *узнавание* может означать интеллектуальное обретение либо *нового*, либо *старого* (отождествление с образом, имеющимся в памяти). Данное употребление, очевидно, не относится ни к одному из них: речь идет (приблизительно) об узнавании нового, которое субъективно ощущается как обретение уже имевшегося ранее⁴. Ясно, однако, что никакой проблемы с пониманием того, что имеется в виду, не возникает; с другой стороны, очевидно, что никакой необходимости в пересмотре словарного толкования слова *узнавание* также нет. Другой пример:

(7) Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу» (О.Мандельштам. «О природе слова»)

В (7) для обоих выделенных слов значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов. Здесь имеет место именно синтез – а не «мерцание» (ср. ниже): свойство *твердости* человека, о котором идет речь, – предстает как «сплав» прямого и переносного значения данного слова.

3. «Мерцание» («осцилляция»). Другой вариант «поэтического» совмещения значений – то, что в лингвистике принято называть «осциллирующими» значениями (см. [Апресян 1974: 179] со ссылкой на известную книгу Г. Стерна и др.): имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания» (т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение). Ср. примеры такого употребления глагола *видеть*, разбираемые в [Апресян 1995]:

(8) Я *вижу* из передней / В окно, как всякий год, / Своей поры последней / Отсроченный приход / (Б. Пастернак. Ложная тревога)

(9) Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму./ Смотрим и *видим*, что вышла ошибка, – /И мы – ни к чему! (А. Галич. Ошибка)

В обоих случаях глагол *видеть* имеет одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) – зрительного восприятия и знания-понимания (видения «мысленным взором»).

4. Особым случаем поэтического некаламбурного совмещения значений можно считать явление, которое Т. М. Николаева называет «принципом тернарной семантики». Оно состоит в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда – просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае – как бы и X и Y одновременно. То есть в одном случае [речь идет о тексте «Слова о полку Игореве» – А.З.] *галки* – это просто птицы галки, в другом – это обозначение половцев, в третьем – остается неясным, то ли это галки, то ли половцы» [Николаева 1997: 41].

Разнообразие типов поэтического совмещения значений, вероятно, может быть увеличено (см., в частности, примеры в [Перцова 1988]). Это, однако, выходит за пределы настоящего обсуждения; здесь мы ограничимся лишь тем соображением, что поэтическое совмещение значений (по крайней мере, наши типы 2 и 3), будучи вполне очевидным аргументом в пользу «единства слова», не является ни в коей мере аргументом против принципа дискретности представления многозначности в словаре (то, как и е словарные значения совмещаются, обычно нетрудно установить – труднее бывает описать эффект их совмещения, но это, по-видимому, выходит за рамки задач лексикографии). Тем более поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова (см. ниже): поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект.

Если поставить задачу перечислить все типы случаев, когда под одной «оболочкой» в высказывании скрывается несколько разных смыслов, то к этому списку следует добавить, с одной стороны, каламбур, т.е. создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидно различных смыслов, ни один из которых не «имеется в виду» (так как в намеренном каламбуре имеется в виду – рассмешить, и только), ср. [Падучева 1982: 85]. С другой стороны (т.е. с содержательно противоположного полюса), к этому списку примыкает соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т.е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов – то, что по-английски называется *vagueness*). Примером здесь может служить выражение *бороться с еретиками* [Апресян 1974/95: 181], в котором реализованы одновременно два разных значения (*бороться с кем-то за что-то* и *бороться с чем-то*). Такие случаи неточно было бы называть *совмещением* значений; более принято их обозначать словом *синкретизм* или *неразличение* (впрочем, последовательности в употреблении этих терминов нет). Однако еще точнее было бы говорить, что в таких случаях слово

⁴ Ср. также: *Все было встарь, все повторится снова, /И дорог нам лишь узнавань миг* (О. Мандельштам. Я изучил науку расставанья)

имеет одно значение, но просто это значение – более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен⁵.

Так, например, у глагола *бояться* в целом ряде контекстов отчетливо противопоставлены два значения: «эмоциональное», где на первом плане находится чувство страха, основанное на представлении о негативном характере некоторого события, и более «рациональное» («ментальное») значение вероятностной оценки (см. [Зализняк 1983]). Так, во фразе

(10) Я не *боюсь* съезжать с этой горы

реализовано первое, «эмоциональное» значение (= ‘не испытываю страха’), а во фразе

(11) Верой в будущее не *боюсь* / Показаться тебе краснобаем (Б. Пастернак)

представлено «ментальное» значение: *не боюсь показаться* значит ‘не считаю вероятным, что это произойдет’.

Между тем в других случаях, в том числе под отрицанием, выбор между этими двумя значениями оказывается невозможен – и при этом не в силу недостаточности контекста, а потому что данная оппозиция отсутствует в смысловом задании. Например, произнося фразу

(12) Я не *боюсь* остаться одна,

говорящий может иметь в виду, что либо этого не произойдет, либо это не будет плохо (причем такая эксплицитная дизъюнктивность присутствует лишь в нашем толковании; самим говорящим она может и не осознаваться). Иными словами, в некотором контексте может оказаться несуществен признак, который различает два значения в других контекстах (и дает основание лексикографу различать их в словарном описании), ср. [Шмелев 1973: 77, 80]

С указанной оговоркой (т.е. если случаи синкретизма считать одним значением) можно согласиться с утверждением, что «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2000: XXVII-XXVIII].

Литература

1. Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. Апресян Ю.Д. 1995 – Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации. // Новый объяснительный словарь синонимов. Проспект. М., 1995.
2. Апресян Ю.Д. 2000 – Структура словарной статьи словаря. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. М., 2000.
3. Грайс Г.П. 1985 – Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985.
4. Зализняк Анна А 1983 – Семантика глагола *бояться* в русском языке. // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. 42, №1, 1983. С. 59-66.
5. Михайлова Н.И. 2000 – «Мой дядя самых честных правил» (Из наблюдений над текстом первой строфы «Евгения Онегина»). // Известия РАН. Сер. Лит. И яз., 2000, т. 59, №3. С. 31-34.
6. Николаева 1997а – «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. «Слово о полку Игореве» и Пушкинские тексты. М., 1997.
7. Падучева Е.В. 1982 – Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. // Семиотика и информатика. Вып.18., М., 1982. С. 76-119.
8. Падучева Е.В. 2003 (в печати) – Динамические модели в семантике лексики. М., 2003 (в печати.)
9. Перцов Н.В. 1996 – О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики. // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
10. Перцов Н.В. 2000а – О неоднозначности в поэтическом языке. // Вопросы языкознания, 2000, №3. С.55-82.
11. Перцов Н.В. 2001 – Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

⁵ По существу та же самая проблема рассматривается в работе [Урысон 1998], где обсуждается явление «несостоявшейся полисемии»: речь идет о лексикографической трактовке «лексем» с дизъюнкцией в толковании – при том что в значительной части употреблений выбор не детерминирован (ср. дизъюнкцию ‘пространство или поверхность’ в толковании слова *небо*).

12. Перцова Н.Н. 1988 – Формализация толкования слова. М., 1988.
13. Пирогова Ю.К. 2000 – Языковая игра в коммерческой рекламе // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., С.167-190
14. Санников В.З. 1999 – Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
15. Урысон Е.В. 1998 – «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы.// Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 226-261.
16. Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
17. Якобсон Р. 1975 – Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
18. Bybee et al. 1994 – Bybee, L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
19. Eco U. 1962 – Opera aperta. (Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee). Milano: Bompiani, 1962.